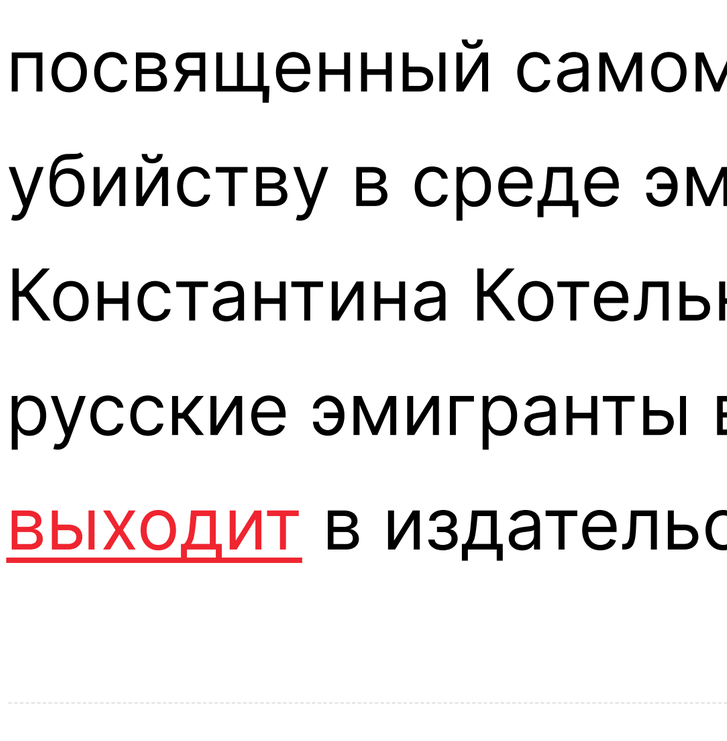
Текст · 28 марта 2026, 10:55

Убийство в Филармонии. Как Владимир Набоков-старший пал жертвой политического раскола эмиграции — отрывок из книги «Бесподданные»

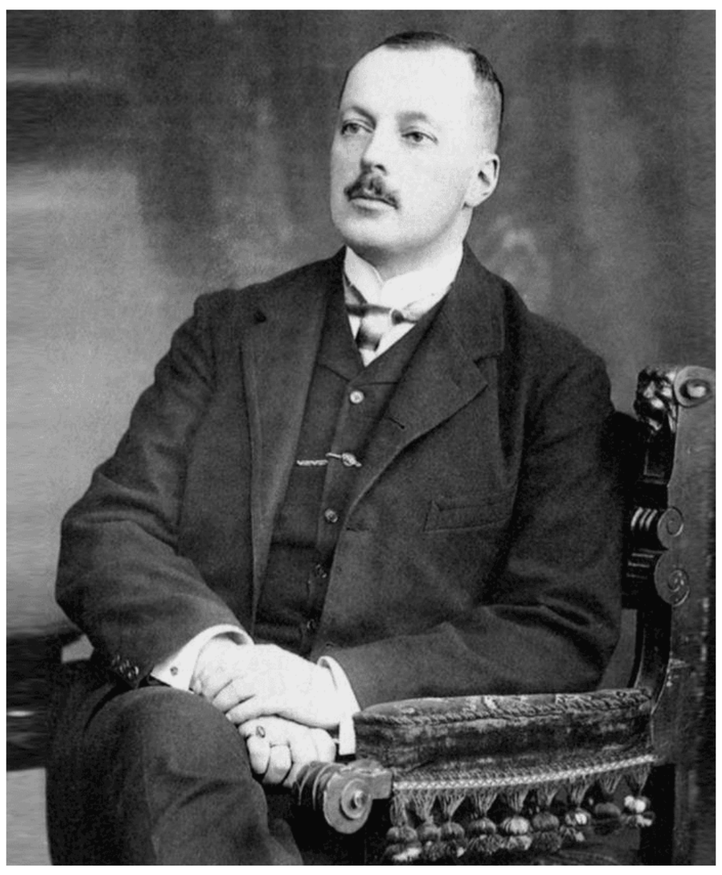
104 года назад в Берлине был убит Владимир Дмитриевич Набоков — юрист, журналист, один из лидеров партии кадетов и отец знаменитого русско-американского писателя. Его гибель стала результатом раскола внутри антибольшевистского движения в изгнании. «Медиазона» публикует отрывок, посвященный самому громкому политическому убийству в среде эмиграции, из книги историка Константина Котельникова «Бесподданные: как жили русские эмигранты в Берлине 1919-1933», которая выходит в издательстве «Эхо Книги».

В 1922 году имя Владимира Набокова в эмиграции знал, должно быть, почти каждый. Речь, правда, шла не о будущем авторе «Лолиты», а о

его отце — известном политике Владимире Дмитриевиче Набокове. Аристократ и блестяще образованный юрист, Набоков уже в начале века стал заметным либеральным публицистом, гласным Санкт-Петербургской городской думы, а затем и депутатом I Государственной думы от партии конституционных демократов (кадетов), сооснователем которой был сам. С думской трибуны он вскоре произнес памятный современникам призыв, ставший кадетским девизом: «Исполнительная власть да покорится законодательной». Последовательный противник самодержавия, Набоков снискал славу своим красноречием и личной отвагой: проектом закона об отмене смертной казни (закон одобрили депутаты, но отверг Николай II) и призывом к гражданскому неповиновению после роспуска первого состава Государственной думы — за подписание Выборгского воззвания в июле 1906 года Набоков вместе с другими подписавшими его «перводумцами» был приговорен к трехмесячному заключению в тюрьме, которое отбыл в «Крестах».

Когда в марте 1917 года кадеты наконец получили возможность сформировать власть исполнительную, Набоков занял пост управляющего делами Временного правительства, однако в этот раз проявить себя не успел — уже через два месяца первый состав Временного правительства вынужден был выйти в отставку: революция превратила политику в стихию, совладать с которой интеллигентные и либеральные демократы не сумели.

Владимир Дмитриевич Набоков

Оказавшись в 1919 г. в Лондоне, англофил Набоков обнаружил, что реальной работы там для него нет — британские политики помочь кадетам не могли, а, кроме того, Лондон слишком далек и от России, и от складывавшихся в континентальной Европе центров эмиграции. Летом 1920 года он принял решение перебраться в Берлин, чтобы основать вместе с друзьями и коллегами — Иосифом Гессеном и Августом Каминкой — «настоящую русскую газету», похожую на бывшую кадетскую «Речь». В августе Набоковы — сам Владимир Дмитриевич, его мать Мария Фердинандовна, супруга Елена Ивановна и младшие дети — Елена, Ольга и Кирилл — поселились в Берлине, и уже осенью Набоков, Гессен и Каминка выпустили первый номер газеты «Руль».

Кроме кадетов, эмиграция привезла с собой в немецкую столицу и другие политические партии. Как писал Еженедельник Высшего Монархического Совета в Берлине в 1922 г. были «политически представлены все партии, от абсолютистов до меньшевиков и левых эсеров включительно — вся клавиатура Государственной Думы». В Германии действительно оказались эсеры, группировавшиеся вокруг газеты «Дни» (детище последнего главы Временного правительства Александра Керенского),

меньшевики с их «Социалистическим вестником» и главные противники либералов, монархисты — с целым ворохом разных изданий, на страницах которых продолжались поиски самых виноватых в катастрофе 1917 года. Тем временем в кадетских кругах развернулась внутренняя дискуссия. Павел Николаевич Милюков[1], один из основателей и лидеров партии, призвал следовать новой тактике — сотрудничать с эсерами и поддержать крестьянство, а также отказаться от вооруженной борьбы с большевиками и идеи интервенции. Милюков полагал, что крестьяне со временем массово и организованно восстанут против советской власти, прежде всего потому, что захотят свободно распоряжаться результатами собственного труда. Свои идеи политик развивал в парижской газете «Последние новости», а спорил с ними берлинский «Руль» — то есть Владимир Дмитриевич Набоков, убежденный, что сотрудничество с эсерами, выжидательная позиция и попытки добиться поддержки какого-то конкретного класса бесплодны и не соответствуют идеалам конституционной демократии.

Эта дискуссия, длившаяся почти весь 1921-й год, грозила разрушить уже и личные отношения соратников, но Набоков решил пойти на примирительный шаг. По его приглашению 28 марта 1922 года Милюков должен был читать публичную лекцию в зале берлинской Филармонии. В этот день в газете «Руль» Набоков написал заметку, в которой выразил уверенность в том, что его разногласия с Милюковым «условные, временные, случайные, непринципиальные», что понимание задач «восстановления России», цели и стремления

у них общие, и это — фундамент для «единого конституционно-демократического фронта». «Как бы то ни было, наша прошлая полемика не мешает нам искренно приветствовать выступление в Берлине одного из крупнейших и авторитетнейших русских деятелей», — писал Набоков. Разумеется, и сам Владимир Дмитриевич, и другие берлинские кадеты, включая Гессена, отправились на лекцию Милюкова.

В тот же день, по совпадению, в Берлине собрался Высший монархический совет (ВМС) под началом бывшего депутата Государственной думы Николая Евгеньевича Маркова. Его участники стремились объединить усилия эмигрантских монархических групп, чтобы вместе способствовать реставрации монархии и возвращению династии Романовых в Россию. В связи со съездом ВМС в кадетской среде и берлинской полиции беспокоились, не попытаются ли монархисты устроить на лекции Милюкова скандал.

Владимир Владимирович Набоков. Фото: «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына»

Пока в Берлине и Париже шла политическая газетная полемика, старшие сыновья Набокова, Владимир и Сергей, продолжали учебу в Кембридже,

начатую в 1919 году. Владимир, поступивший в Тринити-колледж, жил там же, неподалеку от открывателя электрона сэра Дж. Дж. Томсона, и изучал зоологию и филологию (русский и французский язык). По вечерам он читал раздобытый по случаю «Толковый словарь» Даля, подмечая «прелестные слова и выражения». Его тяга к литературе уже вполне себя проявила, и первые сочинения, пока лишь небольшие стихи, только-только стали появляться в «Руле» под псевдонимом «Вл. Сирин» — во избежание путаницы (чтобы не подумали, что за поэзию принялся отец) и обвинений в отцовской протекции. Иногда он оставлял Кембридж и приезжал в Берлин навестить семью. Незадолго до 28 марта Набоков-младший снова прибыл в Германию.

В тот вечер, когда отец уехал на лекцию Милюкова, сын сидел на кухне родительского дома на Зексишештрассе, 67 и вслух читал своей матери стихи Блока. Раздался телефонный звонок. Звонил друг отца и соредактор «Руля» Иосиф Гессен: из его слов следовало, что произошло какое-то «большое несчастье» и что сейчас за Набоковыми приедут, чтобы куда-то их отвезти. На вопрос Елены Ивановны, что случилось, Владимир неуверенно ответил первое, что пришло на ум: «Папочка попал под машину. Повредил себе ноги».

Даже приехавший водитель не решился рассказать Елене Набоковой и ее сыну всю правду. На лекции в Филармонии случилась перестрелка, — сказал он, — отец ранен. «Тяжело ли?» — «Да, тяжело». Но было ясно, что правда хуже этих слов. Владимир потом написал об этих минутах: «Эту ночную

поездку я вспоминаю, как что-то вне жизни, чудовищно длительное, как те математические задачи, которые томят нас в бредовом полусне. Я глядел на проплывающие огни, на белесые полоски освещенных тротуаров, на спиральные отражения в зеркально-черном асфальте, и казалось мне, что роковым образом отделен от всего этого, что фонари и черные тени прохожих — случайный мираж, и единственное, что значительное и явственно живо, — это скорбь, цепкая, душная, сжимающая мне сердце. "Папы больше нет". Эти три слова стучали у меня в мозгу, и я старался представить его лицо, его движения. Накануне вечером он был так весел, так добр. Смеялся, боролся со мной, когда я стал показывать ему боксерский прием — клинч. [...]

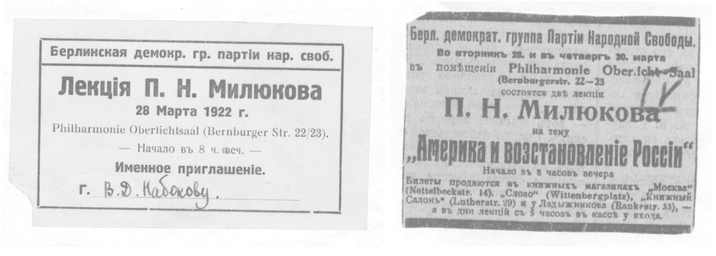
И вот мы приехали. Вход в филармонию. [...] Мы шли по длинному коридору. Через открытую дверь я мельком увидел залу, где произошло это. Одни стулья стояли криво, другие были опрокинуты. Напоминало буревал. Наконец мы вошли в нечто вроде прихожей; там толпились люди, зеленые мундиры полиции. "Я хочу его видеть", — повторяла Мама однозвучным голосом».

Владимир Дмитриевич Набоков был убит.

* * *

Вечер в Филармонии должен был стать заметным событием Русского Берлина. Полторы тысячи человек набились в зал. Те, кому не хватило места, выстроились рядами вдоль стен. Помимо обычной публики, в Филармонии собрались все видные кадеты и многочисленные журналисты. Милюков

рассказывал о своей поездке в США: он был уверен, что американцы исключительно верно оценивают большевизм и могут быть союзниками русской демократии. В конце речи он подверг критике монархистов и повторил свою ключевую позицию: большевистский режим разлагается, его новая экономическая политика обанкротилась, а внешняя потерпела поражение. В обозримом будущем, говорил Милюков, большевизм будет «свергнут изнутри» осознавшей себя демократией.

Берлинская демокр. гр. партіи нар. своб.

Лекція П. Н. Милюкова

28 Марта 1922 г.

Philharmonie Oberlichtsaal (Bernburger Str. 22/23).

— Начало въ 8 ч. веч. —

Именное приглашеніе.

г. В.Д. Набокову.

Берл. демократ. группа Партіи Народной Свободы.

Во вторникъ 28. и въ четвергъ 30. марта

въ помѣщеніи Philharmonie Ober.lcht.-Saal (Bernburgerstr. 22—23

состоятся двѣ лекціи

П. Н. Милюкова

на тему

„Америка и возстановленіе Россіи"

Начало въ 8 часовъ вечера

Билеты продаются въ книжныхъ магазинахъ „Москва" (Nettelbeckstr. 14), „Слово" (Wittenbergplatz), „Книжный Салонъ" (Lutherstr. 29) и у Ладыжникова (Bankstr. 33), — а въ дни лекцій съ 5 часовъ въ кассѣ у входа.

Слева: Именное приглашение на лекцию Милюкова, выданное В.Д. Набокову. Landesarchiv Berlin. Справа: Газетная вырезка о предстоящей лекции Милюкова, обнаруженная у одного из террористов

На следующий день газета «Руль» опубликовала конспект речи: «В заключение П.Н. Милюков выразил уверенность, что революция не превратила Россию только в страну дикарей и людоедов. […] Русская революция прошла недаром. На базисе ее достижений и произойдет низложение большевиков и установление новой великой демократии — демократии российской. При аплодисментах всего зала П.Н. Милюков покидает трибуну».

Фото: Landesarchiv Berlin

Спустившись со сцены, Милюков направился туда, где отдельной группой сидели другие кадеты — Август Каминка, Александр Аснес и Владимир Дмитриевич Набоков. Они успели обменяться

несколькими словами, прежде чем из прохода вдруг выскочил неизвестный им молодой человек — среднего роста брюнет в темном пиджаке с галстуком. Он достал пистолет *Haenel Schmeisser* и сделал два выстрела в сторону Милюкова. Аплодисменты еще не стихли, поэтому никто не мог потом в точности вспомнить, что именно кричал при этом стрелявший. Что-то вроде «это месть за царя!».

В зале поднялась паника. Милюков упал. Одни бросились к выходу, давя друг друга и сметая в стороны стулья. Другие — те, кому уже приходилось бывать под огнем в годы войны, — тут же повалились на пол. В следующую секунду Набоков бросился на нападавшего и схватил его за руку с пистолетом, а затем навалился и прижал его к полу. Мгновением позже на сцену выскочил второй террорист и трижды выстрелил в спину Набокова. Зрители продолжали ломиться из зала в вестибюль.

Сын Иосифа Гессена Владимир, наоборот, пытался сквозь толпу пробиться к сидевшему во втором ряду отцу: «Я кое-как пробрался вперед и увидел, что стреляют не один, а два человека. [...] Издали я увидел высокую фигуру Набокова, боровшегося с одним из убийц. Видел, как он свалил преступника на землю и как другой стрелял ему в спину почти в упор».

Выстрелы сообщника позволили первому нападавшему подняться на ноги. Чтобы отогнать от себя окружавших его людей, он сделал несколько выстрелов по сторонам. Начали падать раненые. Второй террорист воспользовался хаосом и затерялся среди людей в зале, в то время как первый вскочил на сцену и, бросив оружие, попытался прочитать, а

точнее прокричать поверх шума напуганной толпы свою речь — снова что-то о мести и царе. Наконец, его схватили несколько человек, в том числе журналисты «Руля», и повели к выходу. Уже утром они рассказали об этом в газете, повторяя в каждом предложении слово «убийца»:

«Первый убийца в сопровождении схвативших его лиц был проведен через весь зал в вестибюль. По пути публика пыталась расправиться с убийцей судом Линча. Больших трудов стоило державшим убийцу провести его сквозь разъяренную толпу до гардеробной. Несмотря на эти усилия убийце был нанесен в лицо и грудь целый ряд ударов кулаком, и лицо его показалось покрытым кровью.

По пути с места убийства до выходной двери из зала Филармонии на улицу убийцу пытались захватить чины уголовной полиции, бывшие в зале. Однако убийца передан не был в виду опасения, что требовавшие его выдачи являются не чиновниками полиции, а сообщниками убийц. Только у самой выходной двери сопровождавшие убийцу были встречены отрядом зеленой полиции, вызванным кем-то из публики. Этому отряду и был передан убийца, который был отведен в отдельную комнату».

Схватили и сообщника. Когда тот уже подходил к двери Филармонии, его заметила одна из сидевших в первом ряду зрительниц. «Вот второй убийца!» — закричала она. Его тут же арестовали и увели. Сопротивления он тоже не оказал.

Прибывший вскоре врач осмотрел тело Набокова и констатировал смерть: одна из трех поразивших его

пуль попала в спину и прошла навылет через левое легкое и сердце. Политик погиб мгновенно. Еще семь человек пострадало, в том числе один полицейский, соредактор «Руля» Август Каминка, кадет Лев Эльяшев, доктор Александр Ройхель, сотрудник «Голоса России» А.С. Барладьян и госпожа Полина Португейс. Всем им повезло отделаться легкими ранениями. Врач оказал помощь пострадавшим прямо там же, рядом с телом Набокова, которое отнесли в гримерную. Вместе с ними над убитым стоял совершенно невредимый Милюков, на которого покушались террористы. После первого выстрела он упал на пол не из-за пули. Спасая Милюкова, его толкнул стоявший рядом Александр Аснес, еще один раненый. Стрелок промахнулся.

Много лет спустя Иосиф Гессен не мог вспомнить, как он выбрался из зала и попал в вестибюль, а затем — как оказался в той гримерной. В памяти остались лишь обрывки воспоминаний. Его поразила «тяжелая неподвижность» Набокова. Шокированный случившийся, он вышел в коридор, где встретил раненого Каминку: «Что же теперь делать, — спросил я его, — как сообщить семье, как перенесет она такой страшный удар, как подготовить ее к такому ужасному сообщению?».

Через несколько минут Гессен уже стоял в «плохоньком кафе» напротив Филармонии и набирал номер телефона Набоковых: «У аппарата был Сирин. [...] Впоследствии я узнал, что он только что вернулся домой и, сообщив матери о своей помолвке, читал ей стихи...».

* * *

В это время в самой Филармонии начал работать следователь. В берлинской полиции того времени существовало несколько подразделений. Один из них, отдел IA «Политическая полиция», занимался надзором за деятельностью политических организаций и расследованием политических преступлений. Теперь его начальнику комиссару Бернхарду Вайсу предстояла сверхурочная работа. Откладывать дело на утро было нельзя, первый допрос — самый важный: в состоянии стресса труднее врать, а тем более врать складно. Первый стрелок, еще в возбуждении от стрельбы и потасовки, там же, в Филармонии, с вызовом сказал комиссару главное — да, он стрелял и хотел убить Милюкова. Его сообщник тоже не отпирался и тоже признал, что стрелял.

Террористами оказались два бывших русских офицера, имена которых знали в монархических кругах. Первый, стрелявший в Милюкова — Петр Николаевич Шабельский-Борк (при рождении Попов) — сын помещика и черносотенца, член «Союза русского народа» и страстный, даже экзальтированный монархист. По словам одного знакомого, Шабельский «горел священной ненавистью к врагам и предателям России». Милюкову он поклялся отомстить за оскорбление царицы еще в 1917 году. Со временем ненависть к мнимому виновнику революции приобрела у Шабельского патологический характер. Судя по всему, на это повлияло и все пережитое им за последние годы: Шабельский потерял все имущество, во время Гражданской войны погибла его невеста, а в эмиграции приходилось порой буквально сидеть

на хлебе и воде. В таком положении крепло желание найти виноватого и его покарать.

Петр Шабельский-Борк. Фото: Landesarchiv Berlin

Непростая судьба была и у второго стрелка, Сергея Владимировича Таборицкого, сына петербургской купчихи. Почти все исторические потрясения своего времени он прошел вместе с Шабельским. Оба служили в конном полку легендарной «Дикой дивизии», пережили по несколько ранений и заслужили по несколько наград. Вместе они эвакуировались из Киева в Германию с немецкими войсками в конце 1918 года. Таборицкий сперва работал батраком в Померании, а после бедствовал в Мюнхене, перебиваясь случайными заработками.

Сергей Таборицкий. Фото: Landesarchiv Berlin

Оба они не скрывали политических мотивов и ненависти к кадетам. Примерно за неделю до 28 марта 1922 года Шабельский и Таборицкий увидели в «Руле» объявление о предстоящей лекции Милюкова. Прибыв в Берлин и сняв номер в отеле «Мюнхенер Хоф», они зарядили пистолеты, оставшиеся у них еще с войны, и поехали в Филармонию. В зал зашли по одному и сели во втором ряду. Замысел был такой: Шабельский убивает Милюкова и произносит речь об

отмщении за царя, а Таборицкий, если понадобится, приходит ему на помощь.

Допросы продолжались весь следующий день. Дознаватели совершили ошибку, не разделив подозреваемых сразу после ареста. Несколько успокоившись, те начали согласованно менять данные накануне показания. Шабельский попытался взять вину на себя, чтобы снять ответственность с более молодого Таборицкого, и утверждал, что Таборицкий не открывал огонь. Сообщники сделали ставку на то, что свидетели не запомнили, кто точно стрелял, и их показания будут разниться, так что суд окажется в затруднении установить факт стрельбы Таборицким (эта ставка не сыграет: свидетели покажут и на суде, и в ходе следствия, что Таборицкий был вооружен и стрелял в Набокова). Зато о своей мотивации они давали показания неизменно одного и того же содержания. По их мнению, Милюков проложил путь большевикам к власти, организовав Февральскую революцию.

Из показаний П.Н. Шабельского 29 марта 1922 года:

«Я считаю Милюкова и Гучкова[2] самыми большими губителями старой царской империи; на мой взгляд, оба были виновны в начале войны между Россией и Германией и также виновны в первой русской революции в феврале-марте 1917 года. 1 ноября 1916 г. Милюков как лидер конституционных демократов прочел в Думе речь, в которой поносил царский дом, в том числе оскорбил царицу, назвав ее союзницей Германии и немецкой шпионкой. Когда после этой речи Милюков предстал перед некоторыми депутатами, он

объяснил, что он действительно вполне сознательно и по необходимости пошел на эти преувеличения, но они казались ему целесообразными для его политических целей, смещения министр-президента Штюрмера[3]. Это бесчестное поведение Милюкова сильнейшим образом настроило меня против него. Затем Милюков как министр иностранных дел первого революционного правительства в разное время переправлял за границу через свою любовницу суммы от 10 до 15 000 рублей; эти деньги были из государственной кассы[4]. По причине всех этих обстоятельств я — а я безусловный приверженец царства — поклялся себе наказать Милюкова при удачном случае за его преступления против царской империи; устранить его; решение об этом я принял еще три года назад в Екатеринбурге.

Как только я прочитал о прибытии Милюкова в Берлин, я составил план, чтобы осуществить мои намерения».

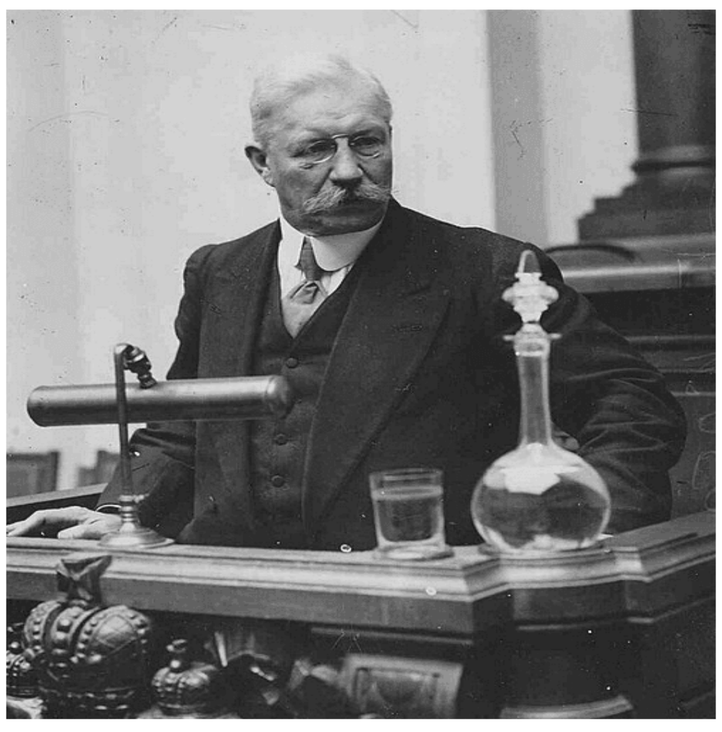
Примерно то же самое сказал после Шабельского на допросе Таборицкий:

«С конца 1916 г. для меня и моего друга Шабельского было ясно, что Милюков и Гучков несут главную вину в падении монархии и начале революции в феврале 1917 г. Все рассуждения, которые мой друг Шабельский уже высказал на эту тему для протокола и которые зачитаны мне на моем родном языке, я полностью разделяю. Я признаю, что идея содеянного пришла не только к Шабельскому; если бы он не совершил содеянное, это сделал бы я».

Преступники видели себя рыцарями и верными слугами короны, которые вершат суд над изменником. На допросах оба выразили сожаление, что ранили незнакомых им людей, однако убитого Набокова им было не жаль — его Шабельский и Таборицкий причисляли к масонам и также считали «виновником падения России».

* * *

Сразу после покушения кадеты (и берлинские, и парижские) обрушились на всех монархистов. «Господа монархисты показали себя во всей своей сущности», — писал «Руль» уже 30 марта 1922. Либералы объяснили случившееся заговором с целью организации целой серии покушений, во главе которого якобы стояли Марков и Высший монархический совет (провокаций его участников как раз и опасались кадеты еще до лекции Милюкова). С их точки зрения, Шабельский и Таборицкий были не фанатиками-одиночками, а участниками террористического заговора. Никаких прямых доказательств этих подозрений найти не удалось, хотя искали их далеко не только кадеты, но и немецкая полиция. Тем не менее, эту версию не сбрасывают со счетов и современные историки.

Павел Николаевич Милюков в Государственной Думе, 1915 г. Фото: Wikipedia

В пользу версии заговора есть несколько доводов. Во-первых, взгляды Шабельского и Таборицкого, исключая убеждение в необходимости политического террора, были не так уж маргинальны. В правой среде политиков, сыгравших ключевые роли в Февральской революции, в лучшем случае недолюбливали, а часто откровенно ненавидели. Речь Милюкова, о которой на допросах говорил Шабельский, и в самом деле имела историческое значение. 1 ноября 1916 года лидер Прогрессивного блока с трибуны Государственной Думы обвинил правительство тогдашнего премьер-министра Бориса Владимировича Штюрмера в провальной политике, неспособной привести страну к победе в войне, и призвал к его отставке. Более того, лидер кадетов прозрачно намекнул, что председатель правительства и императрица Александра Федоровна покровительствуют высокопоставленным чиновникам и влиятельным при дворе лицам, тайно работающим на Германию.

Ни тогда, ни позже доказательств этих обвинений не нашлось, однако сказанное произвело на современников огромное впечатление. Речь вошла в историю под названием «Глупость или измена?» — этот вопрос, перечисляя неудачи и ошибки власти, Милюков повторял как рефрен. «Измена», — отвечали из зала многочисленные сторонники Милюкова. Произнесенную им в Думе речь перепечатывали и пересказывали по всей империи. В первые дни текст ее продавался по 25 рублей, а просто прочитать его, без покупки, стоило 10 рублей. Попытки правительства препятствовать распространению сенсационной речи только подогревали интерес и доверие к обвинениям. У многих сложилось

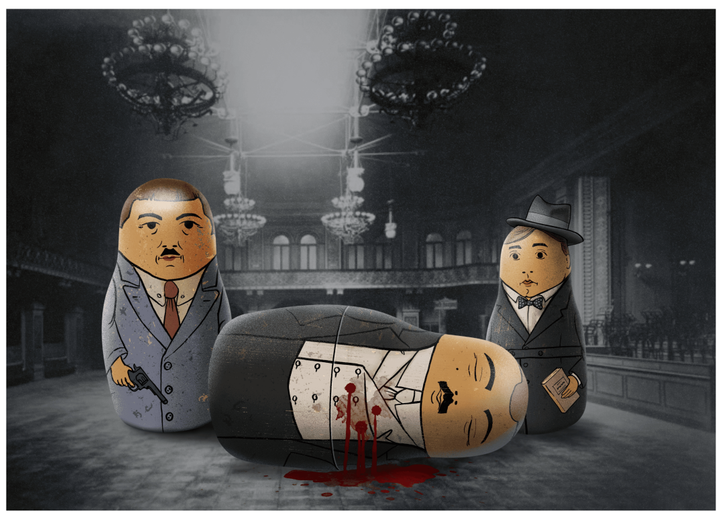
ощущение, что наконец-то громко заявили о том, о чем до этого говорили вполголоса: война ведется бездарно, правительство никуда не годится, «царица-немка» и придворные — изменники. На министров и царя начали нападать даже справа.

Трагедия этой речи заключалась в том, что Милюков, вовсе не желая этого, дал, по собственным словам, «штурмовой сигнал к революции». С ноября 1916 года давление общества на правительство и царскую семью все усиливалось, и через несколько месяцев дело закончилось отречением Николая II и крушением империи.

Председатель Высшего монархического совета Николай Марков, игравший видную роль в эмигрантских кругах и хорошо знакомый Шабельскому и Таборицкому, тоже придавал этой речи большое значение. Он слушал ее в зале Думы в тот день, когда Милюков ее произнес, и под конец во всеуслышание перебил оратора: «А ваша речь — глупость или измена?». «Моя речь — есть заслуга перед родиной, которой вы не сделаете», — парировал Милюков. Марков, разумеется, так не считал. «Тут была и глупость, и измена — глупость всех тех, кто верит Милюкову, измена всех тех, кто во время опаснейшей войны подрывают высший авторитет, которым единственно держится государство...», — писал он уже в эмиграции. По мнению монархистов, день 1 ноября 1916 года стал первым днем революции и гибели империи (любопытно, что так же считал и сам В.Д. Набоков). Милюкова называли «князем тьмы», обвиняли в грязной лжи и клевете, предательстве и заговоре против государства. Особую ненависть вызывала принадлежность либералов к высшим

слоям империи и патриотическая риторика их критики самодержавия: в логике монархистов это выглядело как удар в спину, нанесенный благодетелю облагодетельствованным. «Революция господ против монархии», — писал Марков.

Со временем обвинения против Милюкова среди правых множились и обрастали немыслимыми подробностями. Сперва его называли просто предателем, но постепенно он стал еще и казнокрадом, и виновником войны с Германией. Так думали не только Таборицкий и Шабельский, рассказавший об этом на допросе, но и многие их единомышленники. Поэтому подозрения, что действовали они не в одиночку, были вполне естественны.

Историк А.Ю. Давыдов в статье «Предыстория и развязка трагедии» приводит и другие косвенные аргументы в пользу версии о широком заговоре монархистов, намеревавшихся начать с Милюкова, а затем убить еще нескольких политиков, причастных к Февральской революции. Среди них — слухи о готовившихся покушениях, циркулировавшие еще до 28 марта 1922 г. Действительно, слухи о том, что монархисты могут готовить покушение на Керенского и Милюкова, высказывались еще летом 1921 года. Кроме того, сам Марков признавал наличие в Германии «террористических отрядов отдельных

неуравновешенных». Кого именно он имел в виду, неясно, но речь могла идти о том же Таборицком, который еще до покушения на Милюкова успел дать понять, что готов расправляться с «предателями» физически. В январе 1921 года, встретив октябриста Александра Ивановича Гучкова на берлинской станции Ноллендорфплац, Таборицкий нанес ему несколько ударов зонтиком и был ненадолго арестован (как видный противник самодержавия и один из тех, кто принял отречение Николая II 2 марта 1917 года, Гучков в глазах монархистов заслуживал отмщения).

Однако факты, которые можно привести в пользу версии масштабного заговора, недостаточно убедительны, чтобы принять их в качестве доказательства. Сами обвиняемые наличие подстрекателей и сообщников категорически отрицали. Отрицали их и допрошенные полицией свидетели из среды крайне правых монархистов. Сомнительно также, что Таборицкий, напав в берлинском метро на Гучкова с зонтиком, пытался, как полагает А.Ю. Давыдов, убить его. Если это было покушение, то, надо признать, слишком уж неубедительное — после него Гучков, как ни в чем ни бывало, поехал обедать к Иосифу Гессену. Скорее речь может идти не о попытке убийства (как это делается, офицер Таборицкий, несомненно, знал), а о случайном столкновении или попытке спровоцировать вызов на дуэль — Гучков в свое время прославился как заядлый бретер.

Убедительных признаков чьего бы то ни было соучастия в подготовке покушения и большого монархического заговора полиция не нашла, хотя

версия о причастности Высшего монархического совета следствием прорабатывалась. Реакция монархистов на покушение и его исключительный характер (примеру никто не последовал) тоже скорее говорят о том, что преступление совершили фанатики-одиночки, которые в силу личных психологических особенностей, влияния окружения и обстоятельств решились на теракт. Марков, узнав о покушении, сперва не поверил в случившееся, а затем опасался политических последствий для монархистов. Он однозначно дал понять, что не одобряет покушение, строго запретив монархистам под его влиянием прибегать к террору. Резкая негативная реакция большинства эмигрантов на политическое убийство в приютившей их Германии была столь же предсказуемой, сколь очевидной, и репутации монархистов вредила. Эмигрантские газеты взорвались гневом по адресу монархистов и сочувствием к либералам. По воспоминаниям начальника канцелярии великого князя Кирилла Владимировича Г.К. Графа, даже противники кадетов были недовольны случившимся, пусть и по своеобразной причине:

«...Они критиковали Шабельского и Таборицкого, и считали, что все вышло как-то несерьезно, убит не тот человек и происшедшее скорее пошло на пользу Милюкову, чем во вред. Он приобрел ореол жертвы, и никто не усматривал красоты поступка Шабельского и Таборицкого. Многие считали, что если уж кого убивать, то, скорее, Керенского, который ничего не сделал, чтобы спасти царскую семью, а также принес много зла русскому народу своим управлением страной».

Суд над Шабельским и Таборицким прошел в Берлине 3-7 июля. Процесс продемонстрировал, что ненависть террористов к Милюкову исходила из слухов и преувеличений в большей степени, чем из фактов и здравого смысла. Давние обвинения против Милюкова обросли со временем мифическими, возбуждающими возмущение деталями, завершающими образ врага. Шабельский повторял, что в речи «Глупость или измена» политик не только специально сгущал краски, «желая свалить Штюрмера», но и оскорбил императрицу, назвав ее «гессенской мухой». Мухой никого Милюков, конечно, не обзывал, а оригинальный текст речи, как выяснилось, обвиняемый никогда не читал. Досталось Милюкову от Шабельского и за то, что накануне Первой мировой войны он, «кажется», был замечен у английского посла Бьюкенена и провоцировал начало войны. Кроме того, террористы обвиняли Милюкова в намеренной организации революции и в том, что он не позволил английскому королю предоставить царской семье убежище и, таким образом, способствовал ее гибели в Екатеринбурге. Эти теории заговора воспринимались в зале суда соответственно.

Шабельский и Таборицкий в суде. Фото: Руль (13 июля, 1922 г.)

На суде Шабельский и Таборицкий вообще сделали все возможное для тяжелого обвинительного

приговора. Вели они себя откровенно дерзко — требовали отвода евреев из числа присяжных, в который раз меняли данные ими ранее показания, противоречили сами себе. Дважды признав прежде факт стрельбы, Таборицкий в первый же день процесса снова заявил: «Я не стрелял вообще и даже не имел с собой револьвера». Шабельский тоже сделал отчаянную попытку смягчить приговор, сказав вдруг, что не хотел убивать Милюкова, а хотел лишь проверить, не отказался ли тот от своих пагубных взглядов, но, спровоцированный, не сдержался и впал в состояние аффекта: «От заключительных слов Милюкова мне бросилась кровь в голову, и я не помню, как я побежал вперед, как стрелял».

Эффекта своими действиями обвиняемые добились ровно обратного тому, которого желали — их поведение вызвало у суда раздражение. Присяжные признали их виновными. Таборицкого приговорили за убийство Набокова и соучастие в покушении на Милюкова к 14 годам тюрьмы, Шабельского за участие в покушении и ранение нескольких человек — к 12 годам (прокурор предлагал меньше — 10 лет).

Впрочем, обоих выпустили досрочно уже в 1927 году. О помиловании просили у рейхспрезидента Пауля Гинденбурга митрополит Антоний и берлинский епископ Тихон, сторонники монархистов. Одобрил их освобождение и директор тюрьмы Бранденбурга. Оба в дальнейшем придерживались крайне правых взглядов и в 1930-е сотрудничали с НСДАП.

* * *

На похоронах Набокова по просьбе его семьи не произносили речей над могилой. Слишком много там было желавших почтить его память, и слишком многим было что вспомнить об убитом. Письма и телеграммы с соболезнованиями прислали тысячи людей, в том числе Иван Бунин, Александр Куприн и генерал Врангель. 3 апреля 1922 года и небольшая русская православная церковь в Тегеле, и кладбище при ней были переполнены. За полтора года жизни в Берлине Набоков стал неофициальным лидером местного русского сообщества и успел многим помочь как председатель Общества помощи русским беженцам. На панихиде все плакали. Возле гроба и могилы возлагали бесчисленные цветы и десятки венков. «Борцу за Россию» — от берлинских кадетов, «Благородному рыцарю слова» — от Союза русских журналистов и литераторов, «Доброму благородному человеку» — от Союза увечных воинов, «Дорогому Владимиру Дмитриевичу — Анна и Иосиф Гессен». Там же лежал большой венок от Милюкова с надписью «Старому другу». Сам Милюков, однако, проститься с другом не приехал, опасаясь повторного покушения.

Пришли на похороны и коллеги Набокова по газете «Руль»: «Час дня. Богослужение закончено. Сейчас покроют крышку гроба и никогда уже нельзя будет увидеть проникновенного лица В.Д. Собравшиеся в церкви спешат еще раз взглянуть на это лицо. Незнакомые люди подходят и целуют В.Д. Набокова в лоб. Наконец крышка опущена, гроб закрыт навсегда». Члены редакции «Руля» и его друзья, кадеты, несли гроб вместе с сыновьями Набокова. Толпа еще долго не расходилась после погребения.

Убийство отца стало самым трагическим событием биографии Набокова-младшего, Владимира. Его способом переживания горя стала поэзия. В одном из посвященных отцу стихов, в 1923 году, он обращается к нему как к античному герою, и торжественным гекзаметром провозглашает незримое единство мира мертвых и живых, как бы возвращая себе присутствие отца:

Смерть — это утренний луч, пробужденье весеннее. Верю,
ты, погруженный в могилу, пробужденный, свободный,
ходишь, сияя незримо, здесь, между нами — до срока, спящими...

Смерть Владимира Дмитриевича связала судьбу его сына с Берлином. Окончив обучение в Кембридже, 21 июня 1922 года Набоков-младший поселился в доме на Зексишештрассе, 67, чтобы позаботиться о матери, братьях и сестрах. Елена Ивановна, прежде веселая и жизнерадостная, вдруг постарела и чаще всего показывалась в черном платье и с папиросой. Как потом вспоминал Гессен, она так и не выдержала этого горя — «страшный удар выковал в ней новую психологию и растворил двери к Богу». В октябре 1923 года она переехала с дочерьми и младшим сыном Кириллом в Прагу. Правительство Чехословакии готово было поддерживать русскую интеллигенцию и выплачивать пенсии вдовам видных эмигрантов. Возможно, сыграло свою роль и желание покинуть город, в котором случилось роковое несчастье. Воспоминание о теракте, судя по всему, повлияло затем и на супругу Владимира Набокова-младшего, Веру Слоним, которая заботилась о защите себя и

своих близких настолько, что обучилась стрельбе и в Берлине носила с собой в сумочке пистолет.

РУЛЬ

1.50 Mark Ausland: 3 Mk.

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Herausgeber: I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff

Подписная цѣна. По всѣмъ почтовымъ учрежденіямъ Германіи 12 мар. въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою собственнымъ экспедиціямъ — 10 мар. въ кассѣ. Для иностранныхъ государственныхъ учрежденій, банковъ и фирмъ — 30 мар. въ кассѣ. Для Германіи: по Франціи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, Италіи, Швейцаріи, Испаніи, Америкѣ, Финляндіи, Чехо-Словакіи, Австріи, Венгріи, Румыніи, Болгаріи, Турціи, Египтѣ — 40 мар. въ кассѣ. Для Англіи, Португаліи, Латвіи, Эстоніи, Литвы, Польши — 50 мар. въ кассѣ. Къ заказу просятъ прилагать деньги, во избѣжаніе ежедневныхъ высылокъ.

Объявленія: годовая плата 1 м. за строку монпарель (одиннадцать строкъ — одна вершковая часть столбца) и 30% прибавки на дорогизну — итого 1.30 мар. для врачей, приказчиковъ, повторяющихъ объявленій — по соглашенію. Объявленія принимаются: Berlin W. 30, Motzstrasse 76, Kontor 2. Etage, links, объявленія и подписка изъ „Шпандауера", Berlin SW 68, Kochstrasse 22/26, и во всѣхъ газетныхъ конторахъ города. Объявленія изъ „Руля", Berlin SW 68, Markgrafenstrasse 76. Редакція открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 часовъ ночи. Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 2 до 3 час. дня. Телефонъ редакціи: Moritzplatz 12 41.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

При ближайшемъ участіи І. В. Гессена, проф. А. И. Каминки и В. Д. Набокова.

№ 417-й | Четвергъ, 30 (17) марта 1922 г. | 2-й г. изд.

Владиміръ Дмитріевичъ Набоковъ

трагически погибъ 28-го марта 1922 года

Памяти друга.

Почти двадцать пять лѣтъ дружной совмѣстной идейной работы. Въ 1898 г. мы основали Право, въ 1905 г. возникла Рѣчь, началась партійная работа, затѣмъ послѣ трехъ лѣтней разлуки мы снова встрѣтились здѣсь, чтобы продолжать то дѣло, которому Владиміръ Дмитріевичъ отдавалъ не только всѣ свои силы, — это буквально всѣ помыслы. — Это въ особенности касается Руля, къ которому онъ относился съ чисто отеческой нѣжностью и заботливостью. Онъ видѣлъ въ немъ смыслъ и цѣль своей жизни.

За эти двадцать пять лѣтъ много пришлось пережить и радостнаго, и гораздо больше тяжелаго, очень тяжелаго. Но во все это время и во всѣхъ обстоятельствахъ Владиміръ Дмитріевичъ оставался неизмѣнно вѣренъ самому себѣ. Рыцарски твердый, спокойный и ровный, душевно стойкій, онъ снискалъ благородство и вызывалъ къ себѣ общее почтеніе и уваженіе. Поэтому, хотя онъ и былъ болѣе чуждъ политическаго искательства, онъ всегда оказывался въ центрѣ и вслѣдъ выдвигался на первое мѣсто.

Оно ему принадлежало по праву. Широкое всестороннее образованіе въ соединеніи съ изумительно ясный умомъ, глубокая даровитость, сочетающаяся съ умственной честностью и искренностью, дали ему возможность легко и просто давали ему возможность легко и просто ориентироваться въ самой сложной обстановкѣ сквозь себя. На него можно было положиться, какъ на несокрушимую скалу, и ему одинаково довѣряли какъ его политическіе друзья, такъ и политическіе противники.

И по рожденію и по воспитанію, и по своимъ связямъ В. Д. Набоковъ принадлежалъ къ высшей аристократіи. Когда я познакомился съ В. Д., онъ былъ камеръ-юнкеромъ Его Величества и служилъ въ Госуд. канцеляріи — цвѣтели золотой молодежи чиновьичьяго Петербурга.

И я преклонялся передъ нимъ видя, какъ онъ безъ малѣйшихъ колебаній и сожалѣній порвалъ со всей обстановкой, въ которой онъ жилъ и дышалъ, и твердой ногой ступилъ на новую дорогу, по которой онъ безстрашно шелъ и на которой его подстерегала предательская пуля убійцы.

Да! Убійца зналъ, въ кого онъ мѣтилъ и кого онъ съ такой яростью разстрѣливалъ. Нельзя привыкнуть къ мысли, что Владиміра Дмитріевича нѣтъ больше между нами. Не только потому, что это гнусное убійство случилось такъ неожиданно. Это потеря неизмѣримая, потому что его никто замѣнить не можетъ и его мѣсто останется пустымъ, напоминая о свѣтломъ образѣ безвременно погибшаго друга.

І. В. Гессенъ.

Редакція, сотрудники и издательство „Руля", глубоко потрясенные постигшимъ ихъ тяжелымъ горемъ, извѣщаютъ о трагической кончинѣ

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА.

Потрясенные неожиданнымъ несчастьемъ

члены берлинской группы партіи народной свободы

извѣщаютъ о трагической смерти одного изъ основателей партіи

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА.

Комитетъ Общества Помощи Русскимъ Гражданамъ въ Берлинѣ

съ глубокой скорбью извѣщаетъ о кончинѣ своего Предсѣдателя

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА

убитаго преступной рукой 28 марта 1922 года.

Правленіе союза русскихъ журналистовъ и литераторовъ въ Германіи

съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщаетъ о кончинѣ своего сочлена

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА

трагически погибшаго отъ руки убійцы 28 марта 1922.

Правленіе издательства „Слово"

глубоко потрясено трагической кончиной

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА.

В. Д. Набоковъ.

Въ синодикъ русской свободы записано еще одно имя мученика за нее Владиміра Дмитріевича Набокова. На ряду съ именами Іоллоса и Герценштейна, Шингарева и Колюшина, оно никогда не будетъ забыто въ исторіи русской общественности.

Трудно характеризовать многогранную дѣятельность В. Д. Набокова. Но во все, что онъ дѣлалъ, онъ вносилъ неизмѣнно безконечное благородство мышленія и чувства. Это благородство, это чувство справедливости предопредѣляло и отвѣтственное служеніе покойнаго. Не случайно онъ пришелъ въ тотъ лагерь русской интеллигенціи, который выдвигалъ на первый планъ силы и единіе надклассовыхъ идей, надсословныхъ подраздѣленій и перегородокъ. По своему происхожденію, по своимъ традиціямъ Набоковъ не принадлежалъ къ той разночинной интеллигенціи, которая являлась носительницей демократіи. Но онъ, сознательно пришелъ туда, движимый всѣдѣніями морали, чувствомъ, правды и справедливости.

Сынъ министра юстиціи, студентъ Набоковъ участвуетъ въ студенческихъ безпорядкахъ. Камеръ-юнкеръ Набоковъ пишетъ статью о кишиневской кровавой баѣ, являющуюся однимъ изъ самыхъ блестящихъ произведеній русской подцензурной публицистики. Этотъ яркій протестъ во имя человѣчности, во имя терпимости былъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ, которымъ покойный порвалъ съ той соціальной средой, съ тѣми группами, которыя бы его хотѣли считать своимъ и которые уготовали ему такую блестящую, придворную и служебную карьеру. Безъ труда, безъ борьбы В. Д. Набоковъ оставилъ этотъ торный путь. Ему не пришлось переживать періодъ колебаній. Его моральная природа была такова, что она предопредѣляла выборъ той общественной группы, въ которой Владиміръ Дмитріевичъ хотѣлъ жить и работать.

Къ партіи народной свободы его влекло ея идеологическое содержаніе, ея міросозерцаніе, въ которомъ онъ находилъ созвучіе своимъ нравственнымъ требованіямъ, своему категорическому императиву. Демократія для В. Д. Набокова не была соціаль-

Источник: Константин Котельников. Бесподданные: как жили русские эмигранты в Берлине 1919–1933. «Эхо Книги». 2026. Предзаказ можно оформить в Европе и США, а также по всему миру.

Редактор: Мика Голубовский

1. Павел Милюков (1859–1943) — либеральный политик, председатель ЦК партии кадетов, министр иностранных дел первого состава Временного правительства (март–май 1917 года), член Учредительного собрания.
2. Александр Гучков (1862–1936) — политик, лидер партии «Союз 17 октября»; один из принимавших в Пскове отречение Николая II от престола; военный и морской министр первого состава Временного правительства (март–май 1917 года).
3. Борис Штюрмер (1848–1917) — российский государственный деятель; с 20 января по 10 ноября 1916 г. председатель Совета министров. Был смещен с этого поста из-за общественной реакции, вызванной речью Милюкова.

4. Во время работы Временного правительства ходило множество слухов о коррумпированности министров, в том числе Павла Милюкова. Доказательств этих слухов обнаружено не было.